

Я. Эльсберг

КУДА ИДУТ ЧЕЛОВЕК И ЛИТЕРАТУРА?

I

Одна из самых характерных особенностей современного литературного развития заключается в том, что процессы этого развития в каждой отдельной стране уже не могут быть глубоко поняты вне сопоставлений в масштабе мировой литературы.

Прежде всего знаменательно, что в этих сопоставлениях центральную роль приобретают сейчас художественные решения, которые найдены литературами социалистического реализма и, в первую очередь, наиболее мощной из них — советской литературой.

В таком утверждении нет ничего тенденциозного, субъективного, что могло бы быть объяснено предвзятой позицией советского критика. В необходимости таких сопоставлений сказываются объективные исторические закономерности.

В заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий (ноябрь 1960 года) говорится: *«Главная отличительная черта нашего времени состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решающий фактор развития человеческого общества... Главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяют мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества. Никакие потуги империализма не могут приостановить поступательное развитие истории. Заложены прочные предпосылки для дальнейших решающих побед*

*социализма. Полная победа социализма неизбежна».**

Литература любой капиталистической страны не может в наше время не откликаться на существование и рост мировой социалистической системы, на то всемирно-историческое движение к социализму и коммунизму, которое происходит в мире.

Любая литература современности вольно или невольно, прямо или опосредствованно вынуждена сейчас занимать те или иные позиции по отношению к духовному складу, характерному — при всем своеобразии его национальных проявлений — для человека социалистического общества.

Столь же очевидно, что глубина проникновения того или иного писателя в самую сущность такого духовного склада может быть весьма различной. Сильно может колебаться прежде всего степень точности и правильности соответствующих впечатлений и знаний писателя. Но и сквозь спорную интерпретацию и даже искажения все же — если речь идет о значительном художественном произведении — будут видны новые черты, о которых идет речь.

Главное в том, что необходимость увидеть и понять такого человека является органической потребностью — жизненной и эстетической — современной литературы.

В сущности, вокруг писателя — в какой бы стране он ни жил — уже нет, или почти нет, людей, которые не оказывались бы в тех или иных социальных и духовных, осознанных или только объективных связях и коллизиях с идеями социализма.

* «Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий», Госполитиздат, 1960, стр. 8—9.

Все это ведет художников буржуазной страны, как бы далеки они ни были от идей социализма, к постановке — пусть и полемической — вопросов и проблем, к которым иным путем подходит литература социалистического реализма.

Быть может, особенно интересно охарактеризованные выше сложные идейные коллизии проиллюстрировать на материале журналистики и художественной литературы ФРГ. Именно Западная Германия, точнее, ее руководящие круги, более чем какая-либо другая современная буржуазная страна в наше время претендует на социальную монолитность: Господствующие круги этой страны считают ее непоколебимым бастионом антикоммунизма, недоступным социалистическим веяниям.

Правда, идеологи этих кругов проявляют интерес к Советской стране, но интерес весьма своеобразный. Речь идет о многочисленных «исследованиях» и изданиях, проникнутых духом пресловутой «Ostforschung» — так называемого «исследования Востока».

За последние годы слависты ГДР уже дважды собирались на специальные конференции, посвященные изучению и разоблачению истинного смысла этого «введения», цинично служащего реваншистским целям и идеологической подготовке новой войны.

Эта «Ostforschung» совершенно чужда науке и тем честным ученым-славистам, которые работают в ФРГ.

Достаточно познакомиться с таким, например, изданием, как «Osteuropa», руководимым Клаусом Менертом, чтобы убедиться в том, что от журнала этого литературой и наукой, как говорится, и не пахнет.

Произведения советской литературы «исследуются» тут при помощи такого тематико-статистического метода, который ничего общего с литературоведением, критикой и эстетикой не имеет. Замысел произведения, его основная идея, художественная ценность — все это совершенно не интересует сих «специалистов».

Для них советская литература всего лишь материал, который позволяет фабриковать лжесвидетельства. Например, если один из героев одного из литературных произведений говорит о тех или иных недостатках советской действительности, то соответствующий «специалист» из «Osteuropa» тщательно и любовно выписывает данную цитату и

на основе ее приходит к обобщающему выводу, что вся советская действительность страдает этим недостатком.

Если же какое-либо произведение никак такого рода операциям не поддается, то над ним произносится беспощадный приговор. Именно на этом основании некая Барбара Бодэ доходит до того, что «расшифровывает» петуха, павшего жертвой увлечения Нагульнова петушиным пением, как символ «миллионов человеческих жертв».

В свое время гитлеровский генеральный штаб, сознательно подгоняя скудные разведывательные данные под требования фюрера, пророчествовал быстрый — в случае войны — развал советского государства. Ныне по этому пути идут «ученые» информаторы из «Osteuropa», деятельность которых нужна лишь ведомству Штрауса.

Тут невольно вспоминается «Osteuropa» 20-х годов. Тогда в ней по вопросам литературы писал г. Артур Лутер, некогда преподававший в Московском университете.

Исходя в своих оценках из противопоставления русского народа коммунизму, он тем не менее действительно интересовался нашей культурой, в особенности ее художественными ценностями, внимательно изучал их и, несмотря на все оговорки, приходил к выводу (в связи с десятилетием советской власти): «Россия живет и растет, творит и трудится».

Тогда журнал, как бы ни был тенденциозен его комментарий, стремился познакомить немецкого читателя с конкретными фактами советской действительности и тщательно собирал их. Современная «Osteuropa» боится подлинных фактов и поэтому обходит или извращает их, измышляет небывлицы. Клевета во что бы то ни стало — таков лозунг этого органа.

Очевидно, что о сих «вередях общественного организма», если использовать выражение Щедрина, говорить не стоит.

II

Но вот об интеллигенции ФРГ, которая стоит между «торжествующей свиньей» западногерманской буржуазии и миром социализма — хотя и далеко не на равном расстоянии между ними, — сказать необходимо.

В этом отношении любопытный материал представляет издаваемая в Мюнхене газета

«Культур», посвящающая свои страницы в основном проблемам культуры, искусства и литературы, а также и некоторым непосредственно политическим вопросам.

Это орган буржуазной (впрочем, таковой себя не считающей) интеллигенции, заявляющей о своей враждебности подготовке новой войны, реваншизму, возрождению фашистских настроений. Вместе с тем эта интеллигенция закрывает глаза на то, что разгулу шовинизма потворствует прежде всего верхушка западногерманской буржуазии.

Отношение этой интеллигенции к миру социализма и его идеям, к ГДР и СССР крайне двусмысленно. Откровенно враждебные выпады и нарочитое игнорирование соседствуют здесь с невольными признаниями тех или иных достоинств социалистического мира.

Прежде всего следует отметить, что «верноподданническое» отношение к республике Аденауэра у некоторых представителей интеллигенции сочетается с горькой, глубоко пессимистической, порой крайне резкой и в сущности безнадежной оценкой духовной атмосферы, царящей в ФРГ.

Вывод автора одной из статей, опубликованных в «Культур», о том, что в ФРГ «презрение к духу безгранично»,* ни в коей мере не является исключением, как это видно из многих печатаемых в газете материалов.

В статье Германа Кестена «Немецкие критики» (№ 149, март 1960 г.) дается такая характеристика идейной атмосферы в ФРГ: «...либерализм, просветительство, социализм считаются дискредитированными, левых называют безродными». Не удивительно, что в такой обстановке «моральное безразличие становится художественным принципом и программой литературной критики», которую Кестен упрекает в консерватизме и эстетстве. Правда, он смягчает свою пессимистическую оценку литературной жизни ФРГ (ибо, разумеется, такое состояние критики не может не отражать существенных пороков литературы в целом) указанием на то, что литературу ведут и делают не профессиональные критики, и Кестен возлагает свои надежды на «наиболее значительных писателей эпохи».

* «Культур» № 147, январь 1960 г. (статья Рихарда Рота).

Но в той же «Культур» в № 155 (сентябрь 1960 г.) помещена статья Эрнста Крейдера «Литература и правда». По словам автора, «наша литература, если не считать некоторых находящихся в стороне от господствующего течения писателей, проходит мимо решающих мотивов человеческого поведения». Большая часть романистов занята тем, что «удивительными акробатическими упражнениями отвлекает внимание от того, что действительно имеет для нас всех злободневное значение». Крейдер называет эту литературу «литературой обходов», она изображает всего лишь «возбужденные душевные состояния, затененные или грозовые внутренние чувствования».

В другой статье в том же номере литература ФРГ названа «провинциально-безобидной».

Смысл этих упреков ясен — литература ФРГ стоит в стороне от острейших общественных вопросов.

Нас способен даже удивить такой строгий приговор. Может показаться, на первый взгляд, что этот приговор несправедлив по отношению к произведениям талантливых западногерманских писателей — Вольфганга Кёппена, Генриха Бёля, Ганса Вернера Рихтера, Герта Ледига и других, уже не говоря о таком старейшем немецком писателе-демократе, как Леонгард Франк.

Но ведь Крейдер и не отрицает того, что имеются писатели, стоящие в стороне от основного осужденного им течения западногерманской литературы и, очевидно, обращающиеся хотя бы к некоторым из тех актуальных общественных проблем, которых он не находит в произведениях большинства. Однако их произведения — и об этом лучше всего свидетельствует сама же «Культур» — не играют по-настоящему крупной общественной роли в ФРГ. Даже эта газета, в которой именно эти писатели (за исключением Л. Франка) выступали и выступают неоднократно, уделяет их произведениям всего лишь небольшие рецензии; никакого полного и всестороннего обсуждения, никакой дискуссии вокруг ряда значительных книг, дающих большой материал для раздумий, здесь, например, не найти.

Литература, больше того, духовная жизнь в целом оказывается ныне в ФРГ,

с точки зрения западногерманской печати и общественного мнения, чем-то совершенно незаметным, неинтересным, несущественным.

Правда, «Культур» затевает дискуссии о политической жизни студенчества, о положении писателей и, как мы уже видели, о характере литературной критики, но из знакомства со всеми этими дискуссиями возникает лишь одно впечатление: все они не имеют серьезного значения в общественной жизни ФРГ.

Нам даже трудно представить себе, что роль художественной литературы может в национальной жизни страны пасть так поразительно низко.

Это проявляется и тогда, когда авторы «Культур» — правда, весьма редко, а главное, как-то мимоходом и бегло — высказывают и весьма горькие истины по адресу общественного строя ФРГ.

В одной из самых резких в этом смысле статей, помещенных в «Культур», в статье Г. фон Крамера (№ 155, сентябрь 1960 г.) говорится о существовании «авторитарной псевдодемократии» в ФРГ.

В следующем номере помещен ответ того же автора одному критику, откровенно выступившему с позиций антикоммунизма. В этом ответе Крамер гневно характеризует «ненавистную неизменяющуюся немецкую умственную атмосферу, которая вновь толкает нас к национализму и еще дальше».

Ганс Вернер Рихтер, рассказывая на страницах «Культур» в апреле 1959 года о своем романе «Линус Флек, или Утеря достоинства», над которым он тогда еще работал (мы об этом романе, ныне уже вышедшем, упомянем ниже), указывал, что «обстоятельством и местом» его действия является «духовное пространство нации», если таковое вообще еще существует».

Вспомним также вышеприведенные слова о том, что в ФРГ «презрение к духу безгранично».

Но беда в том, что все эти горькие и резкие слова не приобретают значения гордого и властного вызова тому общественному и духовному строю, против которого они направлены. Писатель ФРГ не чувствует себя трибуном, рупором своего народа, чей голос звучит как «колокол на башне вечевой».

В очень злых и саркастических замечках «Они продали душу дьяволу» (из сборника «Я живу в Федеративной республике», в котором участвует ряд писателей) Вольфганг Кёппен писал: «Я потолстел. Я вовсе не ожидал этого. Когда я смотрю в зеркало, мне становится не по себе. Я вижу чудовище Калибана или я вижу жаркое, которое готовят для Калибана... Итак, я живу хорошо. Кто я: Ганс-счастливчик или самый лучший «Персиль» (средство для стирки белья.— *Ред.*) из всех, какие когда-либо были? Даже издатели и редакции выплачивают мне гонорары за мою публично признанную непартийность. Так почему же тогда испытываешь какое-то неприятное чувство? Один критик сказал, что я страдаю от повышенной кислотности. Совсем не так! Моя болезнь — это слишком восторженное доверие к жизни. Моя кротость объемлет даже этого критика».

В. Кёппен дает затем настоящую сатирическую зарисовку жизненно-политического уклада ФРГ, благополучные граждане которой обжираются устрицами, свиными отбивными и... вооружаются. Кёппен пишет далее: «Наш широко известный филистер ведет себя столь же бессмысленно, сколь и отвратительно, о чем свидетельствуют фильмы, иллюстрированные романы, свадебные объявления, цветные ленты, рейнские шутовские колпаки и лейтенантские фуражки, как и прежде с высокой тульей. Иногда мне хочется заплакать над нежным цветком нашей демократии; и в гордых порывах, в прилетах и отлетах самолетов, парадных приветствиях и возвещающих победу речах об иллюзиях чудится мне предзнаменование. Я писатель. Немецкий писатель. И не хотел бы быть чем-то другим. Но Герман Кестен сравнивает нашу писательскую деятельность в Федеративной республике с вечерней зарей. Предвещает ли она ночь? Принесет ли она радостный день? Я не осмеливаюсь опровергать Кестена, я не верю в радостный день».

Когда читаешь эту заметку, невольно вспоминаешь того исподтишка подсмеивающегося обывателя, которому Щедрин любил в своих сатирах предоставлять роль рассказчика — последний был склонен похваливать свое спокойное и умеренное, «трезвенное» и лишнее каких-либо свободлюбивых «бредней» «жизышко», делая это, однако, так, что мороз подирал по коже,

и ирония эта открывала выход гневно-лирическому чувству самого писателя.

Злая же шутка насчет Калибана вызывает ассоциации и с «торжествующей свиньей» реакции, и с той свиньей (также из шедринского цикла «За рубежом»), которая воплощала собою аппетит и сытое довольство третьей республики, сей «республики без республиканцев»...

Сатирическое острие заметки направлено против того «Ганса-счастливчика», писателя-филистера, «тихого гражданина», который пришелся ко двору руководящим кругам западногерманской буржуазии, продавшим свою душу дьяволу «холодной», а то и «горячей» войны.

Сам Кёппен совсем-то уж не так кроток — неизгладимой печатью заклеил он в романе «Смерть в Риме» медный лоб эсэсовского генерала Юдеяна, этого палаческих дел и массовых убийств мастера.

Небольшая, проникнутая духом истинной сатиры заметка Кёппена глубоко драматична. Писатель ощущает себя пленником сытого, но отвратительного уклада; он его презирает и способен заклеить, он явно мечтает — и это крайне важно — о человеке, по духовному складу своему противоположном «тихому гражданину», но он не чувствует в себе сил призвать своего «друга-читателя» к «действиям героическим, подвигам самоотвержения» (Шедрин) во имя иной, лучшей жизни.

Немецкая литература потому даже и кажется Кёппену стоящей на пороге ночи, что он ощущает ее бессилие. Но значение и смысл этого чувства бессилия можно правильно понять, если иметь в виду конкретные исторические обстоятельства, в которых Кёппену и ряду близких ему по мироощущению и жизненному опыту писателей приходится действовать.

Сопоставляя эту заметку (а она именно драматизмом своим во многом характерна для всего творчества не только Кёппена, но и таких писателей, как Рихтер и Бёль, при всем, что их отличает друг от друга) с *большой частью* публицистических выступлений «Культур», мы убеждаемся в том, что драматизма в этой публицистике почти не чувствуется. Вполне вероятно, что некоторые публицисты «Культур» (например, цитированные выше Крейдер, фон Крамер) остро переживают свое положение в духовной пустыне ФРГ. Но речь идет о большин-

стве сотрудников газеты, в особенности об авторах ее программных статей.

В самом деле, разоблачая грязные выходы неонацистов, их антисемитские выступления, газета печатает успокоительные заявления министра внутренних дел ФРГ Шредера (тут же, как ему и положено, клеветующего на коммунистов) или, например, «правлящего бургомистра» Западного Берлина Вилли Брандта. Получается так, что на эти заверения якобы вполне позволительно положиться. И это делается в то время, как тот же Шредер терпит в ФРГ организацию бывших эсэсовцев, объединяющую 400 000 (!) человек. А роль Брандта в пропаганде «холодной войны» общеизвестна.

Публицисты «Культур» объявляют себя сторонниками мира, они выступают против идеологической подготовки новой войны в ФРГ. И при этом возлагают надежды на правящие круги ФРГ, несомненно ответственные за разжигание реваншистских и националистических настроений! Мало и того. Свои пацифистские и антифашистские воззрения они соединяют с антикоммунизмом.

В выступлениях Г. Кестена и некоторых других публицистов «Культур» не раз проskalьзывают, пусть обычно беглые, но недвусмысленные намеки и выпады антикоммунистического и антисоветского характера. В одной статье «коммунистический антигитлеризм» ставится на одну доску с «буржуазным антигитлеровским лагерем», несостоятельность которого при этом подчеркивается. Порою понятие «тоталитарный» прикрепляется — в духе клеветнической буржуазной пропаганды — к коммунистической идеологии.

Никто, конечно, не требует от буржуазных интеллигентов, выступающих в качестве сторонников мира, сочувствия коммунистической идеологии. Но именно потому, что борьба за мир является ныне спутником борьбы за коммунизм, не видеть в нем мощного союзника — значит быть политически слепым и на деле выступать против той линии, сторонниками которой публицисты «Культур» себя считают.

Нечто существенно иное характерно для заметок Г. В. Рихтера, побывавшего в ГДР и рассказывающего о своих впечатлениях в № 153 «Культур» (июль 1960 г.). Писатель чувствует себя «дома» в ФРГ, но он, хотя не без грусти, не может не видеть

явных достоинств духовной политической жизни в ГДР, достоинств, которым ФРГ ничего противопоставить не в состоянии.

В беседах с представителями различных слоев населения ГДР Рихтер обнаружил у них «чрезвычайно живой политический интерес», и прежде всего к задаче объединения Германии.

Когда же Рихтер попытался в ФРГ поделиться своими вынесенными из ГДР впечатлениями, то констатировал «болезненную политическую сонливость» и встретил «безразличие, смешанное с легким неудовольствием». «Это был другой мир, внутреннюю пустоту которого я только сейчас вполне понял». Здесь писатель нашел «лишь интерес к собственной карьере, к множеству мелочей».

Обратился Рихтер в ФРГ и к молодежи, но «...большие политические проблемы их не занимали. Зачем мы должны этим интересоваться? Политика ведь делается через нашу голову».

Так писатель и пришел к выводу, который сделать ему было совсем не легко: «Подлинная дискуссия (имеется в виду «дискуссия» между ФРГ и ГДР.— Я. Э.) происходит в духовной области. И здесь ФРГ находится в состоянии безнадежной отсталости».

Быть может, особенно существенно то, что вся статья, несмотря на отдельные выпады против политического строя ГДР, обычные для «Культур», проникнута полным драматизмом сознанием духовной отсталости, невозможности примириться с ней, стремлением разобраться в вопиющих противоречиях, раздирающих жизнь немецкого народа, а что особенно важно — разобраться в людях Германии, в человеке.

Именно этого чувства мы совсем не находим ни у Г. Кестена, ни у ряда других публицистов «Культур». ГДР они высокомерно игнорируют. Для Рихтера вопрос о духовном складе человека социалистического общества, об этом обществе как особом мире уже встал, он в чем-то даже уловил высоту его идейного развития. Большинство же публицистов «Культур» стремятся этот вопрос обойти.

Кестен и другие отмечают, порой даже с вызовом, те или иные серьезные недостатки в общественной жизни ФРГ. Но этим только они и ограничиваются. У них нет чув-

ства мучительности жизни в ФРГ, в стране «экономического чуда», в стране, где охваченная погоней за деньгами и развлечениями буржуазия пренебрегает всем духовным. Нет того чувства, которое так характерно для Кёппена, Рихтера, Бёля, да и для некоторых других писателей, для каждого из них, разумеется, по-своему.

В критике Кестена и ему подобных есть что-то «каплуны» (опять невольно вспомнился Щедрин!). Они ужасно довольны собою, своим остроумием, своим критическим «курлыканьем» и свободомыслием, своей духовной «независимостью» (на деле такая «независимость», «непартийность», как то хорошо показал Кёппен в процитированной выше заметке, вполне устраивает — по крайней мере до поры до времени — правящие круги Бонна).

Самые кардинальные проблемы общественной жизни ФРГ публицисты типа Кестена обходят. И прежде всего — то, что хозяйном страны является крупная буржуазия.

Когда мы читаем заявление Генриха Бёля: «Христианский мир должен быть миром, не знающим страха, а наш мир не христианский, ибо страх не только уменьшается, но и растет» (№ 143, ноябрь 1959 г.), то в таком заявлении мы узнаем не только религиозные иллюзии писателя, но и цельное неприятие того мира, в котором он живет.

Многие же публицисты из «Культур» в решительности постановки коренных общественных вопросов уступают даже откровенно консервативным ученым ФРГ.

Вот, например, в сугубо гелертерски-академическом журнале «Университас», издаваемом в Штутгарте (1959 г., № 3), в котором так силен консервативный, если не реакционный, и теологический, если не клерикальный, душок, была помещена статья профессора Г. Фрейера (Университет Мюнстера) «Идея свободы в техническом веке».

Развивая апологетическую по отношению к буржуазному строю концепцию, Г. Фрейер пытается вместе с тем «справиться» с выдвинутым молодым Марксом понятием «отчуждения». Фрейер признает, что в капиталистическом обществе (которое он, впрочем, избегает так называть) рабочий, если говорить словами Маркса, «не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развертывает свободно свою физическую и духовную

энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух»*.

Г. Фрейер вынужден сказать, что в «современном мире работы» (то есть, попросту говоря, в капиталистическом мире) «индивидуум занят в предприятии как специализированная рабочая сила, так что его труд не является свободной самодеятельностью... Наш социальный аппарат строится таким образом, что он соприкасается с человеком лишь в определенном отношении, но не включает в себя человека как целостную личность... Рабочий становится человеком без личных качеств».

Правда, Фрейер пытается и «в системе нашего общественного и политического порядка» (то есть общественного порядка ФРГ) обнаружить такие пункты, где якобы «свобода человека может быть реализована», но должен признать, что для этого «индивидуум сам должен сделать главное».

Конечно, это весьма «легкий» и весьма дешевый призыв. И тем не менее нельзя не отметить, что Г. Фрейера беспокоит (хотя он и ищет пошлейшего компромисса) главное — бесчеловечность капиталистического строя, — то главное, что многие публицисты из «Культур» всячески намеренно обходят. Вот они-то, несмотря на громкие фразы, действительно пытаются быть «тихими гражданами» ФРГ, если использовать слова В. Кёппена.

Перейдем теперь к некоторым художественным произведениям западногерманских писателей.

III

Вопрос о том, каков должен быть человек, способный построить светлое «завтра», бороться за него или по крайней мере заглянуть в него, стоит болезненно и драматически остро для прогрессивных западногерманских писателей.

Именно болезненно! Ибо неприятие действительности сочетается у этих писателей с ощущением своего практического бессилия по отношению к ней, с идейной неотчетливостью своего протеста против нее, даже с сомнениями в возможности лучшего будущего.

И, быть может, как раз Кёппен особенно напряженно задумывается над судьбой человека, особенно целенаправленно наме-

чает он те пункты, вокруг которых концентрируются его (и, разумеется, отнюдь не только лично его) сомнения. Мы имеем в виду «Смерть в Риме» и книгу путевых впечатлений, в которой значительная часть отведена посещению СССР.

В романе «Смерть в Риме» наиболее острые суждения в интересующем нас направлении высказывает герой Кёппена — композитор Зигфрид Пфаффрат. Было бы, разумеется, неправильно механически возлагать ответственность за все мысли персонажа на самого писателя. Однако, сопоставляя эти мысли с раздумьями, вызванными у Кёппена советской действительностью, а отчасти и с той сатирической заметкой, которую мы цитировали выше, убеждаешься в известном единстве некоторых очень существенных сторон воззрений Зигфрида и его создателя.

Впрочем, Зигфрид в особенно заостренной, резкой форме высказывает сомнения, свойственные самому писателю. Кёппен, видимо, хочет, объективируя эти черты мировоззрения своего героя, превратить их в нечто дискуссионное, возможно не вполне бесспорное и для себя.

Каковы бы ни были взаимоотношения Зигфрида и самого писателя, оба они — интеллигенты, яркие, творческие, притом одного и того же поколения. Отрочество и юность этого поколения прошли в нацистских молодежных организациях. Они служили в гитлеровской армии и пережили крах режима. Прошлое является для них неистребимо страшным воспоминанием, тем ликом Горгоны, который парализует жизненную энергию, надежду, веру. Они покорялись этой страшной силе, которая гипнотизировала и поработила их и крах которой даровал им не только свободу, но и глубочайший скептицизм и прежде всего сомнения в возможности построения разумного общественного строя.

А послевоенная Западная Германия, оккупированная американцами, быстро перешедшими от формально-механического насаждения «демократии» к покровительству реваншизму, и наступившее затем «бешенство благосостояния», по выражению одного шведского буржуазного журналиста, — все это только стимулировало и укрепляло такое неверие.

В романе Кёппена содержится эпизод, пожалуй особенно выразительно характе-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. «Об искусстве». Москва, «Искусство», 1957, т. I, стр. 155.

ризующий мучительные уроки, которые Зигфрид вынес из прошлого своей страны. В Риме перед началом исполнения его симфонии Зигфрид наблюдает публику, спешащую в концертный зал. Его особенно привлекает молодежь, которая подымается на галерею, и он думает: «Я бы охотно воспринял этих молодых людей, молодых исследователей, студентов, рабочих, священников, молодых девушек, как моих товарищей... Мне вспомнился также, когда я на них смотрел, призыв: студенты и рабочие, «пролетарии и интеллигенты, соединяйтесь!», но я не могу в это поверить, я не верю, что новый мир возникнет из этого союза. Гитлер, Юдеян, моя родня и служба в армии отняли у меня веру во всякое объединение» (курсив мой.— Я. Э.). Я приветствовал поэтому тех немногих старых людей, которые среди молодежи подымались на Олимп, быть может, мой концерт был задуман для одиноких».

Потеря веры во всякое объединение, в любой союз людей! Какое страшное признание, какое несчастье прийти к такому заключению!

Для советского человека такое чувство не только незнакомо, но и уродливо, ибо вся наша жизнь построена громадными коллективными целеустремленными усилиями миллионов, вдохновлена общими высокими идеями и идеалами, мобилизующими мысль и чувство, идеалами, научно обоснованными и отвечающими высшим требованиям человеческого достоинства, благородства и морали.

Одна из примечательнейших особенностей нашей литературы и искусства — это воплощение счастья и радости коллективного творчества (подразумевающего и рост каждого человека) в борьбе против врагов революции и родины (вспомним фильм «Чапаев»), в общественной борьбе (вспомним Давыдова и его друзей), в творческом труде (вспомним образы «За далью — даль» Твардовского). Стремление к радости коллективного труда — одна из самых характерных черт облика советского человека.

Необходимо вместе с тем уяснить себе и отличие взгляда Кёппена на человеческое одиночество от позиции модернистов-экзистенциалистов, у которых одиночество возведено в идеал и определяет всю концепцию жизни.

Так, если, например, Камю аполлогетизи-

рует одиночество, то Кёппен болеет им. Камю вознес одиночество на пьедестал после участия в Сопротивлении, изменив тем самым лучшему, что было в движении, а вернее, никогда не будучи близким к этому лучшему. Кёппена толкнуло к одиночеству насилие нацизма над человеческой душой. Но он все же сомневается в праве на такое одиночество. Камю же восхвалял его, звал к нему своих читателей. Камю, несмотря на свое дарование, неизменно подгонял душевные движения своих героев под заранее намеченную схему именно потому, что изображение одиночества как высшего состояния души противоестественно. Камю был и остался модернистом, Кёппен же пришел к реализму (хотя и осложненному модернистскими влияниями), ибо он все более внимательно прислушивается к самой жизни.

Вообще модернистской литературе и эстетике свойственна апология самых крайних форм субъективизма и солипсизма. Многие стараются при этом превзойти друг друга — кто во что горазд.

Так, французский писатель Роб-Грийе выступил в западногерманском журнале «Акценте» (1960 г., № 2) со статьей, которая, так сказать, предлагает — совсем в американском духе — «патентованное средство» от трагических противоречий жизни.

Оказывается, чувствуя себя несчастным и одиноким, человек должен просто-напросто перестать надеяться на какую-либо помощь со стороны. Он всего лишь не должен «звать», то есть он должен заранее уверить себя в том, что ни на какое сочувствие, сострадание он и не вправе рассчитывать, что в известном смысле вблизи никого нет и даже *быть* не может. Роб-Грийе полагает, что сей «рецепт» принесет человеку облегчение, ибо у него не останется ни малейшей надежды, в которой он мог бы затем разочароваться.

Но, разумеется, это всего лишь надуманные фокусы, основанные на извращенно-модернистских представлениях о человеческой природе. Ни грана искреннего чувства в такой позиции нет, зато явственно выступает то самое «прелюбодеяние мысли», которое обличал Достоевский.

Все это совершенно чуждо Кёппену. В мыслях и переживаниях Зигфрида чувствуется тоска по настоящему человеку, по настоящим людям, смешанная, однако, с